

УДК 101

DOI: 10.34670/AR.2023.79.64.018

Социальная реальность интеллигенции 2-й половины XX века

Рудакова Ирина Викторовна

Кандидат философских наук,
доцент кафедры философии, истории и социологии,
Брянский государственный инженерно-технологический университет,
241037, Российская Федерация, Брянск, пр. Станке Димитрова, 3;
e-mail: ruso.iren@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена исследованию формирования социальной реальности, как объективного мира, в котором живет советский интеллигент 70-х годов прошлого века. Исследование является новым с нескольких сторон: повседневная жизнь с точки зрения интеллигенции указанного периода в тоже время интеллигенция исследуется в призме повседневности. Цель работы – выявить основные типичные ситуации на протяжении жизни интеллигента. Раскрываются условия формирования и легитимации основных элементов социальной реальности на протяжении всей жизни индивида: системы двоемирия, публично-приватного пространства, иерархии, карьеризма/приспособленчества, критики социалистической жизни. Подведя итоги, можно сказать, от рождения до смерти индивид погружен в специфическую социальную реальность, которая характеризуется двоемирием. Начиная с детства, человек вовлекается в конструирование этой устойчивой системы. Первый мир – плохой, капиталистический (чувство ненависти). Второй – хороший, социалистический (чувство любви). Активные преувеличения второго и уменьшение первого, несовпадение рассказов о социальной реальности с окружающей действительностью раскалывает «хороший» мир надвое. Человек живет в мире социалистической реальности, всячески ее поддерживая (больше вынужденно или по привычке) и в мире социальной действительности. Социальная реальность имеет двойную расколотость, которая имеет привычную форму для интеллигента. Это среда, из которой он «вырос», поэтому советский интеллигент в способе построения социальной реальности продолжает традицию классического типа. Вторая характерная черта, вытекающая из первой – стремление критически осмысливать себя, других, советскую реальность. Третья самая типичная ситуация для советского общества – это ситуация неравенства.

Для цитирования в научных исследованиях

Рудакова И.В. Социальная реальность интеллигенции 2-й половины XX века // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Том 12. № 9А. С. 123-133. DOI: 10.34670/AR.2023.79.64.018

Ключевые слова

Интеллигенция, социальная реальность, повседневность, СССР, модель поведения, образ жизни, советский человек.

Введение

Реконструкция социальной реальности прошлых лет интересна не только с точки зрения познания истории и культуры своего народа. Эта задача обладает важным практическим свойством – выявление механизма создания социальной реальности как диалектики объективного и субъективного мира. Важным, на наш взгляд, является и рассмотрение формирования именно интеллигентского образа мира и жизни, так как это поможет выявить специфические черты самой социальной группы, а также понять причины ее устойчивости во времени и существующие способы трансформации.

Задачи исследования обусловлены пониманием сущности социального реальности: в повседневной жизни индивид встречается в основном не с конкретными «живыми» людьми, а с типами. У живых людей есть проблемы, боли, обиды, любовь и т.д., однако в большинстве повседневных взаимодействий индивида это не интересует. Более того, взаимодействие выступает как двойная типичность – индивид не только воспринимает другого как тип, но и взаимодействует с ним в типичной ситуации. Такое понимание специфики социальной реальности, в которой живет человек, определило выделение следующих задач: во-первых, выявление особенности социализации детей; во-вторых, рассмотрение типичных ситуаций зрелого возраста; в-третьих, анализ восприятия смерти.

Теоретической и методологической базой послужила:

- теория конструирования социальной реальности, раскрываемая в работах социологов [Бергер, 1995; Федотова, 2009];
- теория повседневности, представленная в работах отечественных [Кондрашов, 2006, 2015] и зарубежных социологов, философов [Кунденко, 1999; Шютц, 2003, 1988];
- исследования советской повседневности, представленные в работах отечественных и зарубежных исследователей [Коенкер, 2022; Паперно, 2021; Сигельбаум, 2020; Хесслер, 2022];
- теория биографического метода, разрабатываемая представителями различных наук [Будник, 2016; Козлова, 2000; Путилова, 2015; Рустин, 2002; Суржикова, 2014; Троицкий, 2014];

Источниками для исследования служили эго-документы Лотмана и Успенского [Лотман, Успенский, 2008], Нагибина [Нагибин, 2005], Филлипович [Филлипович, 2003], Стругацких [Бондаренко, 2013] и др. и официальные издания по различной тематике второй половины XX века [Грушин, 2003; Прокофьев, 1967; Народное образование и культура в СССР, 1989].

Основная часть

В Советском союзе к 70-м годам сформировался единый социалистический образ жизни, между тем внутри него выделяются достаточно наглядные отличия в формах проявления у разных социальных страт. Можно сказать, что социальная реальность интеллигенции – это специфическая форма проявления социальной реальности советского общества в целом. Следовательно, нас интересует жизнь не в полном объеме, а лишь те ее моменты, которые помогают прояснить появление тех или иных характеристик образа мира и жизни интеллигенции.

Жизнь интеллигента, как и любого человека, делится на следующие периоды – детство, юношество, зрелость, старость. На протяжении каждого из них индивид вовлекается в систему

общественных отношений посредством различных механизмов социализации.

Детство в советском обществе практически было одинаково у большинства. В СССР «женщина имеет равные с мужчиной политические права, она активно участвует в управлении обществом, получает равную с мужчиной оплату за равный труд» [Советский город, 1988, 131]. Естественно, в таких условиях трудно выполнять свой материнский долг, поэтому в большинстве случаев заботу о детях берет на себя государство. В результате, как правило, все младенцы проходят первичную социализацию поэтапно в различных детских учреждениях: ясли, ясли-сады, детские сады с дневным и круглосуточным пребыванием детей, широкая сеть детских площадок, дошкольные детские дома. На это указывает рост системы дошкольного образования. Так, в 1950 действовали 45 тыс. дошкольных учреждений – св. 1,5 млн. воспитанников; в 1988 – 147 тыс., св. 14,7 млн. детей [Народное образование и культура в СССР, 1989, 7]. Такому росту, в том числе способствовало появление 21 мая 1959 года постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию детских дошкольных учреждений, улучшению воспитания и медицинского обслуживания детей дошкольного возраста».

В данном постановлении четко прослеживается девиз института дошкольного образования: «Воспитательное влияние семьи должно будет все более и более органически сочетаться с воспитанием общественным» [Прокофьев, 1967]. В этой фразе весьма четко наблюдается формирование тенденции подстройки семьи под социальный институт, а не наоборот. В 1960 году создается Институт дошкольного воспитания, итогом работы которого было повсеместное внедрение программы воспитательной работы, утвержденной министерством Просвещения РСФСР. «Много внимания в ней уделяется ведущей в дошкольном возрасте деятельности — игре, формам ее организации, педагогическому руководству игрой... включен специальный раздел «Труд»... предусматривается обучение элементам грамоты и арифметики» [там же]. Фактически, речь идет о всестороннем развитии ребенка для будущей жизни в советских условиях.

Важнейшими задачами дошкольного образования СССР, как было сказано выше, являются: умственное и физическое развитие, эстетические, этическое и трудовое воспитание [там же]. Однако нам более всего необходимо рассмотреть этические и политические элементы воспитания, так как они являются маркерами интеллигенции как социальной группы. Важным элементом всей системы воспитания является политическая грамотность детей. Они знакомятся с массой рассказов: «Про дедушку Ленина, который был самым лучшим человеком на свете», о том, что раньше у нас в стране правил плохой царь, а потом рабочие и крестьяне его свергли и стали управлять сами, что самые лучшие люди у нас входят в коммунистическую партию. При этом с детства приучают ребенка не только к любви, но и к чувству ненависти к неправильному.

Между тем со временем формируется устойчивое несоответствие между ежедневными рассказами воспитательниц о счастливом детстве в Советском Союзе и собственной жизнью в семье. В такой ситуации у ребенка возникает много неуместных вопросов, на которые педагоги отвечают «идеологически выдержанно». Если какой-нибудь малыш задает слишком рискованные вопросы, то об этом сигнализируют родителям. Их просят воздерживаться от опасных разговоров при ребенке. В итоге у него постепенно развивается политическое чутье – понимание, о чем можно спрашивать и вообще упоминать, а о чем нельзя. Таким образом формируется система «двоемирия», которая является вполне естественной для интеллигента.

Вторым важнейшим культивируемым качеством в детях является чувство коллективизма. Тезис о «воспитании детей в коллективе и через коллектив» является основным в трудах

теоретиков советской педагогики Н. К. Крупской и А. С. Макаренко. Еще в 1938 году было создано «Руководство для воспитателя детского сада», в котором четко была определена ведущая роль педагога-воспитателя в воспитании детей в духе коллективизма при органичном сочетании индивидуальных особенностей каждого ребенка.

Механизм формирования коллективизма был изначально встроен в структуру института дошкольного образования. Так как большую часть времени дети находятся в дошкольных учреждениях, то последние фактически заменяют семью и домашнюю обстановку, то есть частную жизнь, приватное пространство. Основой его формирования является осуществление физиологических функций организма [Арендт, 2000], именно в силу этой особенности оно, как правило, скрывается от других. В дошкольных учреждениях организуется особое социальное пространство – публично-приватное. С одной стороны, ребенок погружен в ситуацию постоянного присутствия себе равных: все вместе едят, спят, гуляют, умываются и даже удовлетворяют естественные нужды. Особенно важно последнее, ведь удовлетворение физиологических потребностей – интимный процесс. Следовательно, равенство всех перед всеми формировалось в том числе в раскрытии личных границ, стирании интимного пространства.

С другой стороны, пространство не было в полной мере публичным, так как оно организовывалось в малых группах. Фактически дети из одной группы ощущали себя как семью. Дети, слушающие/читающие одинаковые сказки, рассказы, поющие одни песни, играющие в одни игры, занимающиеся общим трудом, способны в большей мере понимать друг друга. У них одинаковая информация о мире, о других, о ценностях и одинаковые модели поведения.

Погружение ребенка в публично-приватное пространство, безусловно, типично для всех детей СССР, однако, нам важно указать условия, при которых формируется интеллигентский образ мира и жизни советского типа.

Третий важный аспект социализации в детстве также связан с умением жить в коллективе: ребенок погружался не просто в коллектив, а в коллектив, выстроенный по иерархическому принципу. Фактически чувство коллективизма сводилось к подчинению меньшинства большинству, а всех в целом – одному руководителю-воспитателю. Типичная фраза воспитателя: «Все едят кашу, а ты не ешь – стыдно!». Так дети привыкают не отличаться от всех остальных во многих других аспектах и подчиняться.

Таким образом, первичная социализация ребенка, живущего в семье интеллигентов, изначально формирует его личность как «интеллигентскую», с особым раздвоенным миропредставлением. Ребенок воспитывается не только родителями-интеллигентами, но и советским воспитателем. Первые прививают интеллигентские ценности, вторые – гражданские. Априори мир родителей доминирует в сознании ребенка, но вторая социализация (государственная) так же выстраивает определенную субъективную реальность. Первичная и вторичная социализация происходят параллельно. В этом моменте важно то, что в течение жизни, попадая под пресс различных ситуаций, второй мир советского гражданина, возможно, станет более реальным, а значит, изменится идентификация.

Указанные принципы социализации характерны и для школы. Девиз школьного образования: «советская школа всегда была школой воспитания сознательных творцов нового мира. В ее стенах росли и мужали поколения активных строителей коммунизма» [Прокофьев, 1967]. Следовательно, первой задачей педагога есть создание в классе коллектива. В педагогических и политических трудах он оценивался как «важнейший фактор нравственного

совершенствования личности каждого школьника... Предъявляя требования к каждому учащемуся, коллектив выступает в роли воспитателя... Как правило, ученик является одновременно членом нескольких коллективов, и каждый играет свою роль, оказывает свое специфическое влияние» [там же]. Формирование социалистического коллектива было осложнено тем, что в школу идут дети не только из детского сада, но и те, которые воспитывались дома, то есть с развитым чувством индивидуализма. Со временем последние или становятся частью коллектива, или навсегда остаются «одиночками».

На протяжении всего времени обучения в школе продолжается политическое воспитание. «Идейную закалку, первые уроки общественной деятельности молодежь получала, активно участвуя в проведении массовых кампаний революционного характера. Школа привлекала учащихся к активному участию в политической жизни страны» [там же]. Прежде всего, это членство в детских политических организациях. В восемь лет ребенка торжественно принимают в октябрята, в десять он становится пионером, в четырнадцать может вступить в комсомол – коммунистический союз молодежи. Цель всех этих организации не только идеологическое воспитание, они служат и механизмом ввода ребенка в мир взрослых. Все детские политические организации являются мини копией коммунистической партии, приучающие жить в социалистическом мире.

Традиционная позиция, транслируемая социальными институтами того времени: «школа, комсомол, пионерская организация последовательно воспитывают учащуюся молодежь советскими патриотами и интернационалистами. Качества патриота-гражданина, идейного борца воспитываются всем содержанием и стилем работы школы, комсомольских и пионерских организаций, степенью активности каждого члена этих организаций» [там же] – воспринималась как идеальная модель политической жизни молодежи. Однако фактическое несоответствие действительности отмечается большинством. Так, например, «редкий дух критицизма» комсомола – основная черта массового сознания, выявленная в результате социологического исследования [Грушин, 2003, 85]. Этот пример наглядно демонстрирует, что система двоемирия, которая была изначально характерной для интеллигенции, становится общераспространенной для всего советского общества.

Необходимо отметить еще одну важную черту – сущность института образования в обучении членов общества. До сих пор система советского образования считается в мире одной из самых эффективных. Советская школа учила «молодежь самостоятельно работать с книгой и справочником, вести наблюдения, изучать и улучшать окружающую жизнь. Хорошо организованный учебный процесс развивает самостоятельную мысль учащихся, пробуждает у них творческие интересы» [Прокофьев, 1967]. Следовательно, это пространство благоприятно для формирования желания не просто быть образованным, а формирует тенденцию непрерывного самообразования – специфической черты советской интеллигенции. Этот момент очень важен для понимания и состава указанной социальной группы. Как и классический тип, она формировалась из различных слоев общества путем получения образования. Однако если классический интеллигент, в силу разных причин, не всегда хорошо образованный человек, то советский интеллигент действительно интеллектуально развит. Так, например, самым распространенным пониманием слова «интеллигенция» – человек с высшим образованием, человек умственного труда.

В зрелом возрасте индивид большую часть жизни трудится, тем более в СССР труд был одной из главных ценностей и обязательным для всех. Для интеллигенции сфера труда была обусловлена полученным образованием, что часто позволяет исследователям различать

интеллигенцию по видам деятельности: творческая, научная, медицинская, педагогическая и др. Таким образом, принадлежность к данной группе определялась, прежде всего, уровнем образования и видом труда. Попадая в социальное пространство «прослойки» общества, индивид наследует не только внешнюю соотнесенность, но и внутреннюю, которая формирует у него интеллигентский образ мысли и жизни. Другими словами, интеллигенция существует как некоторая объективная структура, которая воздействует на субъективные миры.

В первую очередь, необходимо отметить, что советские трудовые условия способствовали сохранению традиции оппозиции к власти. Интеллигент ненавидит застой и рутину, воплощением которых является власть. Необходимость согласовывать с номенклатурным аппаратом практически все важные и не очень действия, сформировали особый тип поведения: стратегическо-тактический. Ко второй половине XX века механизм взаимоотношений был тщательно отработан. Низы(интеллигенция) предлагала идеи развития, верхи (номенклатурный аппарат) критически относилась к предложениям и часто сдерживала их осуществление. «А решаться все будет, естественно, не внизу, а вверху» [Бондаренко, 2013; Суржилова, 2014]. На наш взгляд, в большей части взаимоотношения с властью со стороны интеллигенции напоминали игру в шахматы. Данная игра сочетает в себе игровое, интеллектуальное, военное и элитарное начало, что продолжает формировать обычную для интеллигенции среду двоемирия.

Фактически именно через взаимоотношения с властью мы можем выделить несколько типов интеллигенции: примерный гражданин (человек, который не сильно обращает внимания на окружающую действительность, он спокойно живет в обществе), конформист (человек, которого не устраивает действительность, но он не идет на открытое противостояние с властью), бунтарь (человек, которого не устраивает социалистическая действительность и поэтому он открыто с ней борется), карьерист (человек, который движим желанием власти, то есть перехода в другую социальную группу).

Необходимо отметить, что система двоемирия, как уже было сказано выше, к моменту рассматриваемого периода не является исключительно интеллигентской чертой. Однако указанная черта под воздействием объективной социальной реальности трансформировалась и обрела еще одно смысловое значение. У интеллигенции появился общий «враг», «противник», который представляет собой определенный образ жизни и мысли социалистического мещанства и обывательства. Мещанство – это «невежество плюс нежелание узнавать что-либо, лежащее за пределами очень узкого круга потребностей», которые обусловлены инстинктами выживания [Бондаренко, 2013, 28-29].

Таким образом, социальная реальность во взрослой жизни предполагает жизнь одновременно в общих для всех советских условиях и в реальности интеллигентской. Последняя характеризуется выстраиванием взаимоотношений с властью, постоянным самообразованием и особым морально-этическим кодексом. Часто можно увидеть самоопределение советской интеллигенции как – ум и совесть общества, что, безусловно, определяет устойчивое формирование критического отношения ко всему. Советский интеллигент – это в том числе и скептик.

Критика существующего порядка оказывается одной из главных черт образа жизни, определяемого как интеллигентский. Фактически только интеллигентская среда способствовала появлению у ребенка параллельно двух миров, двух реальностей. Мир, сформированный родителями, самый устойчивый, поэтому вовлекаясь во всеобщее недовольство властью, жизнью во взрослой жизни, интеллигент расшатывал советский универсум без трансформации

себя и своего сознания. Такая модель поведения была нормой, более того именно критика обуславливала и обеспечивала маргинальность существования интеллигента на протяжении всей истории этой социальной группы.

Хотя многим критика не мешает делать себе карьеру по тем же механизмам, к которым привыкли с детства. Вот типичный пример карьерного роста из интеллигенции в номенклатурный класс: «Саша был всегда хорошим, т.е. свойским парнем, хотя сероват малость. Начинал зоотехником в Дмитровском районе, потом инструктором в райкоме, а потом друзья-спортсмены (Саша обожает футбол) в ЦК втащили. И уже тут, в верхах, он крепко сидит, потому что, как Роднов говорит, “не сеет против ветра”» [Филлипович, 2003; Троицкий, 2014]. Эта схема была общая для всех, из нее можно вывести формулу успешной карьеры советского интеллигента – личные данные плюс «правильное» поведение. Так как получить высокую должность без разрешения свыше было практически невозможно, шло жесткое разделение на “угодных” и “неудобных”. «Гейченко готов был его взять, но тут ему позвонил новый секретарь Романов (а может, Румянцев) и сказал: “Хочешь со мной по-хорошему жить, гони его в шею. Хочешь ссориться – бери, но я тебя сгною”. Настоящий партийный разговор был» [Нагибин, 2005, 447]. Указанные примеры были типичны для рассматриваемого периода. Из несоответствия действительности представлениям об идеале возникает критика и недовольство государственной системой, что в последствии становится нормой.

Если труд – это то, что интеллигента в большей степени объединяло со всем обществом, так как условия труда были обусловлены социалистическим строем, то досуг – сфера проявления специфических черт. Создание, приобщение к элитарной культуре, стремление познать культуру западного мира – еще одна особенная характеристика. Фактически досуг – это сфера, где стремились нарушить все запреты, существующие правила и нормы советской жизни. Например, чтение запретной литературы, прослушивание радиопередач голоса Америки и др.

Завершение жизни есть смерть. В среде интеллигенции интерес к религии еще не вырос до веры, и понятия загробного мира не было. Типичное представление том, что будет после смерти: «и от меня, и от Махаева – все равно труха будет. Это в жизни мы разные. А молекулы одинаковые, бесфамильные» [Филлипович, 2003, 73]. Факт смерти констатировали, как правило, врачи, поэтому в большей степени преобладало ее научное объяснение. Человек признавался умершим и было понимание, что «его уже не вернуть», поэтому внимание сосредотачивалось на процессе проведения похорон.

Он понимался как дань уважения умершему человеку, поэтому большое внимание уделялось обряду, который к семидесятым годам четко сформировался. Различие было только в пышности для известных людей и более скромности для обычных. «В среду похороны здесь, в ВИЖе, а потом в Москву, куда-то на престижное кладбище... Хоронили пышно. Из Молдавии 300 роз, более 20 венков. Ученики со всего СССР съехались... На кладбище продолжили траурный митинг, начатые еще в ВИЖе. Все его бывшие ученики сейчас в больших людях... И все считали долгом высказаться, Махаеву досталось аж под конец. Говорил об учителе нашем с такой неожиданной для меня сердечностью, что аж слеза прошибла. И сам он тоже плакал... А потом – богатые поминки в ресторане. Человек двести, если не больше. И снова говорили, запивая каждый поминальный тост и невольно веселя, но в рамках приличия, напоминая друг другу, чтоб ненароком не чокнуться рюмками: не на банкете ведь сидим, на поминках» [там же, 85-86].

Во время похорон со стороны соболезнующих большое внимание уделялось не только умершему, но и его родным. Последние в свою очередь с одной стороны понимали, что человека

уже нет, а с другой – вели с ним диалог как с живым. Их поведение предполагало, что умерший все видит и слышит, поэтому нужно делать так, чтобы ему не было за них стыдно. То есть на временном отрезке от констатации смерти до погребения человек как бы воскресал. В этом отношении показательна запись в дневнике Нагибина Ю.: «Был на похоронах Мули... меня удивил своей мелкостью У... Он не понимает, что Муля еще жив для нее (матери – И.Р.). Ей казалось, что он порадуетя и доброму некрологу, и добрым словам, произнесенным над его гробом, и цветам, и многолюдству, и прочим знакам внимания... Она служила сыну, и быть может, он не остался глух к доброй суете матери» [Нагибин, 2005, 277].

Именно такое поведение ожидают от родственников, и здесь в первую очередь обращают внимание не столько на мать, сколько на вдову. Ее поведение постоянно отслеживается. «А Дина Дмитриевна, совсем еще молодая вдова, красивая и печальная, деловито отгоняла большую черную с зеленым отливом муху, которая все норовила сесть дорогому покойнику на лоб» [там же]. Можно сказать, что «выработался новый человеческий тип: несгибаемая советская вдова. Я все время слышу сквозь погребальный звон: “Такая-то прекрасно держится!”» [там же, 344]. Таким образом, вместо религиозного обряда в Советском Союзе развивается «культура сопереживания смерти».

Заключение

Подведя итоги, можно сказать, от рождения до смерти индивид погружен в специфическую социальную реальность, которая характеризуется двоemiрием. Начиная с детства, человек вовлекается в конструирование этой устойчивой системы. Первый мир – плохой, капиталистический (чувство ненависти). Вторым – хороший, социалистический (чувство любви). Активные преувеличения второго и уменьшение первого, несовпадение рассказов о социальной реальности с окружающей действительностью раскалывает «хороший» мир надвое. Человек живет в мире социалистической реальности, всячески ее поддерживая (больше вынужденно или по привычке) и в мире социальной действительности. Таким образом, социальная реальность имеет двойную расколотость, которая имеет привычную форму для интеллигента. Это та среда, из которой он «вырос», поэтому советский интеллигент в способе построения социальной реальности продолжает традицию классического типа.

Вторая характерная черта, вытекающая из первой – стремление критически осмысливать себя, других, советскую реальность. Причем критика была тотальной, но в разных формах: неявной, тихим недовольством, обсуждением на кухнях в кругу близких, открытым противостоянием в диссидентских течениях.

Третья самая типичная ситуация для советского общества – это ситуация неравенства. В детстве – это коллектив и воспитательница, в школе появляется двойная система подчинения: 1 – коллектив и учителя, 2 – партийная организация: пионерская, комсомольская. Во время всей взрослой жизни количество ситуаций неравенства увеличивается. Причем это касается не только жизни на работе, но и быта. Смерть так же не снимает иерархические принципы. Одних хоронят пышно и всей страной, других тихо и скромно. Так или иначе ситуация неравенства связана с политической активностью интеллигенции. И то, и другое сопровождает интеллигента на протяжении всей жизни.

Библиография

1. Арндт Х. *Vita activa, или деятельной жизни*. СПб.: Алетейя, 2000. 437 с.
2. Бергер П. *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. М.: Медиум, 1995. 323 с.
3. Бондаренко С.П. (сост.) *Стругацкие. Материалы к исследованию: письма, рабочие дневники. 1967-1971 гг.* Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2013. 736 с.
4. Будник Г.А. Материалы фондов личного происхождения советской интеллигенции как исторический источник // *Интеллигенция и мир*. 2016. № 4. С. 117-122.
5. Грушин Б.А. *Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина в 4-х книгах. Жизнь 2-я. Эпоха Брежнева (часть 1-я)*. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 448 с.
6. Здравомыслов А.Г., Ядов В.А. *Человек и его работа в СССР и после*. М.: Аспект Пресс, 2003. 485 с.
7. Коенкер Д. *SPASibo партии. Отдых, путешествия и советская мечта*. СПб., 2022. 871 с.
8. Козлова Н.Н. Опыт социологического чтения человеческих документов // *Социологические исследования*. 2000. № 9. С. 22-32.
9. Кондрашов П.Н. *Праксеологическое понимание жизненных ценностей // Социум и власть*. 2015. № 6 (56). С. 119-124.
10. Кондрашов Т.Н. *Марксистская теория повседневности: попытка предварительной экспликации // Философия и общество*. 2006. № 3. С. 90-116.
11. Кунденко Я.Н. *Повсякденність як реалія культурної дійсності*. Харьков, 1999. 20 с.
12. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. *Переписка*. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 512 с.
13. Нагибин Ю. *Дневник*. М., 2005. 702 с.
14. *Народное образование и культура в СССР. Статистический сборник*. М.: Финансы и статистика, 1989. 432 с.
15. Паперно И. *Советская эпоха в мемуарах, дневниках, снах. Опыт чтения*. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 320 с.
16. Прокофьев М.А. (ред.) *Народное образование в СССР*. М.: Просвещение, 1967. 543 с.
17. Путилова Е.Г. «Эволюция» биографического метода: особенности проведения online-интервью // *Ученые записки Орловского государственного университета*. 2015. № 2 (65). С. 22-26.
18. Рустин М. *Размышления по поводу поворота к биографиям в социальных науках // Интеракция. Интервью. Интерпретация*. 2002. Том 1. № 1. С. 7-24.
19. Сигельбаум Л.Г. *Не расстанусь с коммунизмом. Мемуары американского историка России*. СПб., 2020. 304 с.
20. *Советский город: социальная структура*. М., 1988. 286 с.
21. Суржикова Н.В. *Эго-документы: интеллектуальная мода или осознанная необходимость // История в эго-документах: Исследования и источники*. Екатеринбург, 2014. С. 6-14.
22. Троицкий Ю.Л. *Аналитика эго-документов: инструментальный ресурс историка // История в эго-документах: Исследования и источники*. Екатеринбург, 2014. С. 14-32.
23. Федотова В.Г. *Социальное конструирование реальности // Энциклопедия эпистемологии и философии науки*. М., 2009. 1248 с.
24. Филиппович Э.Г. *От советской пионерки до челнока пенсионерки*. М., 2003. 584 с.
25. Хесслер Дж. *Социальная история советской торговли. Торговая политика, розничная торговля и потребление (1917-1953 гг.)*. СПб., 2022. 995 с.
26. Шютц А. *Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии*. М., 2003. 336 с.
27. Шютц А. *Структура повседневного мышления // Социологические исследования*. 1988. № 2. С. 129-137.

The social reality of the intelligentsia of the 2nd half of the XX century

Irina V. Rudakova

PhD in Philosophy,
Associate Professor of the Department of Philosophy, History and Sociology,
Bryansk State University of Engineering and Technology,
241037, 3, Stanke Dimitrova ave., Bryansk, Russian Federation;
e-mail: ruso.iren@gmail.com

Abstract

The article is devoted to the study of the formation of social reality as an objective world in which a Soviet intellectual of the 70s of the last century lives. The study is new from several sides: everyday life from the point of view of the intelligentsia of the specified period at the same time, the intelligentsia is studied in the prism of everyday life. The purpose of the work is to identify the main typical situations throughout the life of an intellectual. The conditions of formation and legitimization of the basic elements of social reality throughout the life of an individual are revealed: the system of two worlds, public-private space, hierarchy, careerism/adaptability, criticism of socialist life. To summarize, we can say that from birth to death the individual is immersed in a specific social reality, which is characterized by two worlds. Starting from childhood, a person is involved in the construction of this stable system. The first world is bad, capitalist (feelings of hatred). The second is good, socialist (feeling of love). Active exaggerations of the second and reduction of the first, the discrepancy between stories about social reality and the surrounding reality splits the “good” world in two. A person lives in the world of socialist reality, supporting it in every possible way (more forcedly or out of habit) and in the world of social reality. Social reality has a double split, which has a familiar form for the intellectual. This is the environment from which he “grew”, therefore the Soviet intellectual, in the way of constructing social reality, continues the tradition of the classical type. The second characteristic feature that follows from the first is the desire to critically comprehend oneself, others, and Soviet reality. The third most typical situation for Soviet society is a situation of inequality.

For citation

Rudakova I.V. (2023) Sotsial'naya real'nost' intelligentsii 2-i poloviny XX veka [The social reality of the intelligentsia of the 2nd half of the XX century]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 12 (9A), pp. 123-133. DOI: 10.34670/AR.2023.79.64.018

Keywords

Intelligentsia, social reality, everyday life, USSR, behavior model, lifestyle, Soviet man.

References

1. Arendt H. (2000) *Vita activa, ili deyatel'noi zhizni* [Vita activa, or On active life]. St. Petersburg: Aleteiya Publ.
2. Berger P. (1995) *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [Social construction of reality. Treatise on the sociology of knowledge]. Moscow: Medium Publ.
3. Bondarenko S.P. (comp.) (2013) *Strugatskie. Materialy k issledovaniyu: pis'ma, rabochie dnevniki. 1967-1971 gg.* [Strugatsky Brothers. Materials for research: letters, work diaries. 1967-1971]. Volgograd: PrinTerra-Dizain Publ.
4. Budnik G.A. (2016) *Materialy fondov lichnogo proiskhozhdeniya sovetskoi intelligentsii kak istoricheskii istochnik* [Materials from the personal collections of the Soviet intelligentsia as a historical source]. *Intelligentsiya i mir* [Intelligentsia and the world], 4, pp. 117-122.
5. Fedotova V.G. (2009) *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti* [Social construction of reality]. In: *Entsiklopediya epistemologii i filosofii nauki* [Encyclopedia of epistemology and philosophy of science]. Moscow.
6. Filippovich E.G. (2003) *Ot sovetskoi pionerki do chelnoka pensionerki* [From a Soviet pioneer to a pensioner's shuttle]. Moscow.
7. Grushin B.A. (2003) *Chetyre zhizni Rossii v zerkale oprosov obshchestvennogo mneniya. Ocherki massovogo soznaniya rossiyan vremen Khrushcheva, Brezhneva, Gorbacheva i El'tsina v 4-kh knigakh. Zhizn' 2-ya. Epokha Brezhneva (chast' 1-ya)* [Four lives of Russia in the mirror of public opinion polls. Essays on the mass consciousness of Russians during the times of Khrushchev, Brezhnev, Gorbachev and Yeltsin in 4 books. Life the 2nd. The era of Brezhnev (part 1)]. Moscow: Progress-Traditsiy Publ.
8. Hessler J. (2002) *Sotsial'naya istoriya sovetskoi torgovli. Torgovaya politika, roznichnaya torgovlya i potrebleniye (1917-*

- 1953 gg.) [A Social History of Soviet Trade: Trade Policy, Retail Practices, and Consumption, 1917-1953]. St. Petersburg.
9. Koenker D. (2022) *SPAsibo partii. Otdykh, puteshestviya i sovetskaya mechta* [Club Red: Vacation Travel and the Soviet Dream]. St. Petersburg.
  10. Kondrashov P.N. (2015) Prakseologicheskoe ponimanie zhiznennykh tsennostei [Praxeological understanding of life values]. *Sotsium i vlast'* [Society and power], 6 (56), pp. 119-124.
  11. Kondrashov T.N. (2006) Marksistskaya teoriya povsednevnosti: popytka predvaritel'noi eksplikatsii [Marxist theory of everyday life: an attempt at preliminary explication]. *Filosofiya i obshchestvo* [Philosophy and Society], 3, pp. 90-116.
  12. Kozlova N.N. (2000) Opyt sotsiologicheskogo chteniya chelovecheskikh dokumentov [Experience of sociological reading of human documents]. *Sotsiologicheskii issledovaniya* [Sociological Research], 9, pp. 22-32.
  13. Kundenko Ya.N. (1999) *Povsyakdennist' yak realiya kul'turnoi diisnosti* [Everyday life as a reality of cultural activity]. Kharkov.
  14. Lotman Yu.M., Uspenskii B.A. (2008) *Perepiska* [Correspondence]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.
  15. Nagibin Yu. (2005) *Dnevnik* [Diary]. Moscow.
  16. (1989) *Narodnoe obrazovanie i kul'tura v SSSR. Statisticheskii sbornik* [Public education and culture in the USSR. Statistical collection]. Moscow: Finansy i statistika Publ.
  17. Paperno I. (2021) *Sovetskaya epokha v memuarakh, dnevnikakh, snakh. Opyt chteniya* [Stories of the Soviet Experience: Memoirs, Diaries, Dreams]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ.
  18. Prokofev M.A. (ed.) (1967) *Narodnoe obrazovanie v SSSR* [Public education in the USSR]. Moscow: Prosveshchenie Publ.
  19. Putilova E.G. (2015) «Evolutsiya» biograficheskogo metoda: osobennosti provedeniya online-interv'yu [“Evolution” of the biographical method: features of conducting online interviews]. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes of Oryol State University], 2 (65), pp. 22-26.
  20. Rustin M. (2002) Razmyshleniya po povodu povorota k biografiiam v sotsial'nykh naukakh [Reflections on the turn to biographies in the social sciences]. *Interaktsiya. Interv'yu. Interpretatsiya* [Interaction. Interview. Interpretation], 1, 1, pp. 7-24.
  21. Schutz A. (2003) *Smyslovaya struktura povsednevnogo mira: ocherki po fenomenologicheskoi sotsiologii* [The semantic structure of the everyday world: essays on phenomenological sociology]. Moscow.
  22. Schutz A. (1988) Struktura povsednevnogo myshleniya [The structure of everyday thinking]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 2, pp. 129-137.
  23. Siegelbaum L.H. (2020) *Ne rasstanus' s kommunizmom. Memuary amerikanskogo istorika Rossii* [Stuck on Communism: Memoir of a Russian Historian]. St. Petersburg.
  24. (1988) *Sovetskii gorod: sotsial'naya struktura* [Soviet city: social structure]. Moscow.
  25. Surzhikova N.V. (2014) Ego-dokumenty: intellektual'naya moda ili osoznannaya neobkhodimost' [Ego-documents: intellectual fashion or perceived necessity]. In: *Istoriya v ego-dokumentakh: Issledovaniya i istochniki* [History in ego-documents: Research and sources]. Yekaterinburg.
  26. Troitskii Yu.L. (2014) Analitika ego-dokumentov: instrumental'nyi resurs istorika [Analytics of ego-documents: an instrumental resource for the historian]. In: *Istoriya v ego-dokumentakh: Issledovaniya i istochniki* [History in ego-documents: Research and sources]. Yekaterinburg.
  27. Zdravomyslov A.G., Yadov V.A. (2003) *Chelovek i ego rabota v SSSR i posle* [Man and his work in the USSR and after]. Moscow: Aspekt Press Publ.